

УДК 341.4

*Н. А. Зелинская***ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО:
НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ**

Современная преступность все больше выходит за пределы государственного контроля и вступает в противостояние с мировым правопорядком, становясь фактором, который имеет дестабилизирующее влияние на все мировое сообщество и требует глобальных мер реагирования. В докладе «Глобализация преступности: оценка угрозы транснациональной организованной преступности», представленном ЮНОДК в 2010 году, приводятся, среди прочих, следующие данные: только в Европе насчитывается 140 тыс. жертв торговли людьми, которых поставляют в целях сексуальной эксплуатации и которые приносят своим эксплуататорам ежегодный валовой доход в размере 3 млрд дол. США. Из Латинской Америки в Соединенные Штаты ежегодно незаконно ввозятся 2,5–3 млн мигрантов, что приносит контрабандистам около 6,6 млрд дол. США; Европа является самым дорогим рынком героина (20 млрд дол. США), а Россия — крупнейшим из всех стран мира потребителем героина (70 тонн). Основные доходы от наркотиков образуются в богатых странах назначения. Так, афганским крестьянам, торговцам и повстанцам достается лишь около 5 % (2,3 млрд дол. США) от предположительно 55 млрд дол. США, составляющих стоимость мирового рынка афганского героина. Из 72 млрд дол. США, составляющих стоимость рынка кокаина в Северной Америке и Европе, около 70 % остается в виде прибыли у дилеров среднего звена в странах потребления кокаина. Мировой незаконный рынок огнестрельного оружия оценивается в 170–320 млн дол. США в год, что составляет 10–20 % от стоимости законного рынка. Незаконная эксплуатация природных ресурсов и незаконный оборот дикой флоры и фауны из Африки и Юго-Восточной Азии наносят ущерб хрупким экосистемам и приводят к исчезновению отдельных видов. По оценкам ЮНОДК, стоимость древесины, незаконно вывезенной из Азии в ЕС и Китай в 2009 году, составила около

2,5 млрд дол. США. Количество контрафактной продукции, обнаруживаемой на границах Европы, выросло за последнее десятилетие в десять раз, и ее годовой объем превышает 10 млрд дол. США. До половины лекарственных средств, проанализированных в Африке и Юго-Восточной Азии, являются контрафактными и не соответствуют стандартам качества, что повышает, а не снижает вероятность заболеваний. Ежегодно более полутора миллиона человек становятся жертвами хищения личных данных, ущерб от которого, по оценкам, составляет около 1 млрд дол. США, а киберпреступность ставит под угрозу безопасность государств: преступникам удается проникать в системы энергоснабжения, управления воздушными перевозками и эксплуатации ядерных установок. Это лишь некоторые примеры из множества новых данных, включенных в доклад ЮНОДК [1].

Организация Объединенных Наций неоднократно принимала решения, в которых признавалось, что действия против транснациональной организованной преступности и терроризма являются «общей и разделяемой ответственностью», и подчеркивалась необходимость коллективной работы для предупреждения транснациональной преступности [2]. Участники Специального заседания высокого уровня по проблемам борьбы с транснациональной организованной преступностью (2010) констатировали, что терроризм, незаконный оборот наркотиков, торговля людьми, коррупция, киберпреступность и другие проявления транснациональной преступности создают угрозу для развития мировой экономики и служат препятствием для гармоничного развития национальных сообществ. В современном мире эффективно бороться с ними можно лишь совместными усилиями всех государств, базирующимися на надлежащей международно-правовой основе. Участники совещания заявили о своей готовности к конструктивному взаимодействию по формированию под эгидой Организации Объединенных Наций общего антикриминального политико-правового пространства, расширению межгосударственного взаимодействия по сближению уголовного законодательства, правоохранительных национальных процедур и правоприменительной практики [3].

Комплекс международно-правовых норм, регламентирующих международное сотрудничество в противодействии преступности, образует международное уголовное право как самостоятельную отрасль международного права. Составляющие эту отрасль нормы неоднородны. Поскольку уголовное преследование лиц, совершивших международные преступления, осуществляется в рамках национальной или международной юрисдикции, солидарное уголовное преследование может выражаться: а) во взаимодействии национальных юрисдикций, то есть принимать транснациональный характер; б) в деятельности органов международной юстиции, то есть носить интернациональный характер в строгом значении. Соответственно, в международном уголовном праве можно выделить две подотрасли. Первая подотрасль международного уголовно-

го права регламентирует основания и порядок привлечения индивидов к уголовной ответственности органами международной уголовной юстиции, устанавливая редкие для международно-правовой системы вертикальные отношения, в силу чего за ней утвердилось название «международное уголовное право *stricto sensu*». Эта подотрасль регулирует не только материально-правовые основания привлечения к международной уголовной ответственности, но и международное уголовное судопроизводство и судопроизводство [4].

В то время как международное уголовное право «*stricto sensu*» криминализирует и пенализирует определенные деяния непосредственно по международному праву, то есть устанавливает редкие для международно-правовой системы вертикальные отношения, в остальной части международного уголовного права юридические отношения остаются традиционно горизонтальными, и основной категорией второй подотрасли является преступление транснациональное, криминализованное внутригосударственным правом. Очевидно, что столь существенные различия в подотраслях международного уголовного права требуют терминологической определенности.

Вторая подотрасль может быть обозначена как «транснациональное уголовное право» [5; 6]. «Использование термина «транснациональное уголовное право» — не попытка выдумать новую терминологию ради самой себя, — пишет Н. Бойстер (Boister). — Это, скорее, попытка выдвинуть на первый план существующее различие между международным уголовным правом *stricto sensu* и нормами, установленными в соглашениях, направленных на противодействие определенным видам преступлений... Транснациональная преступность — стремительно развивающийся феномен. Отвечая на его рост, транснациональное уголовное право становится, вероятно, наиболее существенным механизмом глобализации национальных уголовно-правовых норм» [5].

Термин «транснациональное уголовное право» оказался весьма востребованным и используется в различных интерпретациях с учетом его материально-правовых и процессуальных аспектов [7]. Транснациональное уголовное право содержит международно-правовые нормы, регламентирующие взаимодействие государств в сфере противодействия преступности, а именно: 1) транснациональное материальное уголовное право, представляющее собой систему международно-правовых норм, направленных на регламентацию материально-правовых вопросов национальной уголовной юрисдикции и экстрадиции, а также на гармонизацию криминализации наиболее значимых в международном плане правонарушений и установление соразмерных и эффективных уголовных санкций; 2) транснациональное процессуальное уголовное право, состоящее, как минимум, из двух частей: а) международно-правовых норм, регламентирующих взаимодействие национальных правоохранительных и судебных органов в целях привлечения к ответственности виновных лиц («право взаимной помощи государств по уголовным делам», вклю-

чая процессуальные аспекты экстрадиции); в) международно-правовых норм, направленных на оптимизацию функционирования национальных правоохранительных и судебных систем и обеспечение гарантий прав человека в уголовном судопроизводстве; 3) транснациональное уголовно-превентивное право, регламентирующее взаимодействие государств в предупреждении преступности.

Понятие «транснациональное преступление» является основной категорией транснационального уголовного права. Оно не имеет однозначного толкования и используется в различных, прежде всего, криминологических интерпретациях [8]. На наш взгляд, в международно-правовом контексте понятие «транснациональное преступление» включает в себя широкий спектр деяний различной степени общественной опасности, квалифицируемых как преступные в праве, по меньшей мере, двух государств, под юрисдикцию которых они подпадают [9].

Транснациональная преступность во многих ее проявлениях представляет собой реальную угрозу международному миру и безопасности. На рубеже XX и XXI столетий эта фраза, используемая в международно-правовом контексте, перешла из разряда научной и политической риторики в констатацию особой ситуации, которая охватывается главой VII Устава ООН («Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии»), что влечет за собой чрезвычайно серьезные правовые и политические последствия.

Современное транснациональное уголовное право претерпевает радикальные изменения. С 90-х годов прошлого века заметное место в глобальном правовом режиме противодействия транснациональной преступности занимает серия резолюций Совета Безопасности, которые были приняты на основании главы VII, наделяющей Совет Безопасности правом принимать резолюции, которые являются юридически обязательными для всех государств — членов Организации Объединенных Наций. Важным элементом борьбы с международным терроризмом стали резолюции Совета Безопасности ООН, содержащие санкции против частных лиц и корпораций и налагающие на государства обязательства общего характера [10]. С одной стороны, это существенно расширило возможности транснационального уголовного права, с другой — создало новые риски. Сложившаяся ситуация получила различные, порой прямо противоположные, оценки со стороны юристов-международников [11].

Первые резолюции, содержавшие ссылку на главу VII Устава ООН в отношении проявлений транснациональной преступности, были связаны с возрастающей террористической угрозой. В частности, резолюции 1997 и 1998 годов налагали финансовые и иные ограничения в отношении УНИТА (Национальный союз за полную независимость Анголы, УНИТА (порт. — União Nacional para a Independência Total de Angola, UNITA — повстанческая группировка в Анголе). В Резолюции 1127 (1997), принятой 28 августа 1997 года, Совет Безопасности определил, что сложившаяся в Анголе ситуация создает угрозу международному

миру и безопасности в регионе, и, действуя в соответствии с главой VII Устава Организации Объединенных Наций, постановил предпринять ряд мер, направленных на устранение этой угрозы [12]. Резолюцией 1173 (1998), принятой 12 июня 1998 года, Совет Безопасности, действуя, на основании главы VII, наложил ряд санкций в отношении УНИТА [13]. Важное положение содержится в резолюции 1196 (1998), принятой 16 сентября 1998 года: Совет Безопасности, подтвердив обязанность всех государств-членов осуществлять решения Совета в отношении УНИТА, призвал каждое государство «рассмотреть вопрос о принятии законов или других правовых мер, квалифицирующих нарушение вводимых Советом эмбарго на поставки оружия уголовным преступлением» [14]. Эта резолюция стала прямым «вторжением» в сферу материального транснационального уголовного права, непосредственно затронув проблематику транснациональной криминализации.

Названные резолюции положили начало новой стратегии Совета Безопасности ООН, которая была вскоре реализована в отношении движения «Талибан» и организации «Аль-Каида». В Резолюции 1267 (1999), принятой 15 октября 1999 года, Совет Безопасности постановил, что исходящая от «Аль-Каиды» угроза имеет глобальное значение и поэтому заслуживает ответных международных мер. Поскольку Совет обычно имеет дело с государствами, он решил, что для борьбы с «Аль-Каидой» ее нужно лишить инфраструктурной поддержки, которую оказывал «Талибан». Констатировав, что невыполнение руководством движения «Талибан» требований мирового сообщества представляет собой угрозу международному миру и безопасности, и сославшись на главу VII Устава ООН, Совет Безопасности, среди прочего, постановил, что все государства «заморозят средства и другие финансовые ресурсы, включая средства, получаемые или извлекаемые благодаря имуществу, находящемуся во владении или под прямым или косвенным контролем движения «Талибан», или любого предприятия, находящегося во владении или под контролем движения «Талибан»... и обеспечат, чтобы ни эти, ни любые другие средства или финансовые ресурсы, установленные таким образом, не предоставлялись их гражданами или любыми лицами на их территории для использования движением «Талибан» или любым предприятием, находящимся во владении или под прямым или косвенным контролем движения «Талибан» [15].

Последующие нападения «Аль-Каиды» обусловили принятие Советом Безопасности в декабре 2000 года Резолюции 1333 (2000). Весьма характерно то, что в этой резолюции, также содержащей ссылку на главу VII Устава ООН, не только подтверждена «убежденность в том, что пресечение международного терроризма крайне необходимо для поддержания международного мира и безопасности», но и обращено внимание на то, что «Талибан» непосредственно получает выгоды от незаконного выращивания опийного мака [16]. В связи с этим Совет Безопасности постановил предпринять не только меры, непосредственно направленные

ные на борьбу с терроризмом, но и потребовал прекращения всей незаконной деятельности, связанной с наркотиками, и ликвидации незаконного выращивания опийного мака, доходы от которого используются для финансирования террористической деятельности «Талибана»; указал на то, что «все государства должны предотвращать продажу, поставку или передачу своими гражданами или со своей территории химического ангидрида уксусной кислоты любому лицу на территории Афганистана, находящейся под контролем «Талибана» [16]. Таким образом, меры, предпринятые Советом Безопасности, были распространены и на противодействие наркотической транснациональной преступности. Позднее Советом Безопасности была принята Резолюция 1363 (2001) об учреждении механизма для наблюдения за реализацией мер, введенных резолюциями 1267 (1999) и 1333 (2000) [17].

Особое значение приобрела Резолюция 1373 (2001), принятая 28 сентября 2001 года, налагавшая на государства обязательства общего характера. Действуя на основании главы VII Устава ООН, Совет Безопасности выразил свое безоговорочное осуждение террористических нападений, которые были совершены 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, Вашингтоне (округ Колумбия) и Пенсильвании и заявил, что такие действия, как и *любой акт международного терроризма, представляют собой угрозу для международного мира и безопасности* (выделено мной. — Н. З.) [18].

Резолюция 1373 содержит два обязательства в отношении установления уголовной ответственности за финансирование терроризма. Первое относится к финансированию террористических актов, второе — к финансированию террористов. Первое обязательство изложено в пунктах 1(a) и 1(b): в пункте 1(a) резолюции постановлено, что государства должны «предотвращать и пресекать финансирование террористических актов», в пункте 1(b) говорится, что они должны «ввести уголовную ответственность за умышленное предоставление или сбор средств, любыми методами, прямо или косвенно, их гражданами или на их территории с намерением, чтобы такие средства использовались — или при осознании того, что они будут использованы, — для совершения террористических актов». Эта формулировка близка к формулировке в Конвенции о финансировании терроризма 1999 года. В пункте 3(d) резолюции Совет Безопасности «призывает все государства» присоединиться к Конвенции. Кроме того, государства должны обеспечить, чтобы такие террористические акты квалифицировались как серьезные уголовные правонарушения в их внутригосударственном законодательстве и чтобы наказание должным образом отражало тяжкий характер таких преступлений. Конвенция содержит аналогичные положения. Пункты 1(a) и 1(b) резолюции, таким образом, косвенно ссылаются на Конвенцию, однако пункт 1(a) резолюции распространяется на все террористические акты независимо от наличия транснационального элемента, в то время как Конвенция 1999 года применяется только при наличии такого транс-

национального элемента. Второе обязательство содержится в пункте 1 (d) резолюции, который гласит, что государства должны «запретить своим гражданам или любым лицам и организациям на своей территории предоставление любых средств, финансовых активов или экономических ресурсов, или финансовых или иных соответствующих услуг, прямо или косвенно, для использования в интересах лиц, которые совершают или пытаются совершить террористические акты, или содействуют или участвуют в их совершении, организаций, прямо или косвенно находящихся в собственности или под контролем таких лиц, а также лиц и организаций, действующих от имени или по указанию таких лиц». Эта часть резолюции создает автономное обязательство, не содержащееся в Конвенции. Пункт 2 (e) обязывает государства «обеспечивать, чтобы любое лицо, принимающее участие в финансировании, планировании, подготовке или совершении террористических актов или в поддержке террористических актов, привлекалось к судебной ответственности, и обеспечить, чтобы, помимо любых других мер в отношении этих лиц, такие террористические акты квалифицировались как серьезные уголовные правонарушения во внутригосударственных законах и положениях и чтобы наказание должным образом отражало серьезность таких террористических актов» [19, п. 41–42].

В Резолюции 1373 (2001) Совет Безопасности отметил тесную связь между международным терроризмом и транснациональной организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков, отмыванием денег, незаконным оборотом оружия и незаконными перевозками ядерных, химических, биологических и других потенциально смертоносных материалов. В соответствии с вытекающими из резолюции обязательствами государствам следует разработать эффективную национальную стратегию борьбы с терроризмом во всех его проявлениях, включая финансирование террористической деятельности.

Таким образом, в этой резолюции Совет Безопасности впервые ввел в отношении всех государств — членов Организации Объединенных Наций бессрочные обязательства по криминализации определенных деяний, а также совершенствованию и активизации мер международного сотрудничества в противодействии терроризму. Несмотря на то, что эта резолюция была принята в ответ на террористические акты, совершенные 11 сентября 2001 года в Соединенных Штатах, предусмотренные в ней меры значительно шире и не ограничиваются конкретной конфликтной ситуацией. Эти меры носят общий характер и направлены на предотвращение любых действий по финансированию и поддержке терроризма, преследование и наказание за них, а также в значительной степени на сотрудничество в области уголовного правосудия [19]. По существу, такие меры представляют собой установление Советом Безопасности новых обязательных норм международного права, которые не имеют ни временных, ни географических ограничений и относятся к любому террористическому акту в любом регионе мира [20].

Несмотря на то, что Устав ООН не содержит положений относительно права Совета Безопасности принимать подобные решения, государства не выразили прямых возражений против Резолюции 1373 и ее предположительно законодательного характера. Эмоциональный шок, вызванный атаками 9/11, вполне объясняет нежелание государств высказывать в сложившейся ситуации абстрактные опасения по поводу осуществления Советом нормативных полномочий [21]. Трагические события 11 сентября 2001 года стали катализатором создания новых юридических парадигм в национальных и международной правовых системах [22].

Резолюция 1373 (2001) и последовавшие за ней антитеррористические резолюции, содержащие ссылку на главу VII Устава ООН Совета Безопасности и создающие нормативные обязательства для государств — членов ООН, дали основания утверждать, что борьба с терроризмом «затрагивает фундаментальные положения международного права» [23], в том числе касающиеся процесса нормообразования [24]. Наиболее очевидным проявлением нормотворческой деятельности Совета Безопасности стала Резолюция 1450 «Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые террористическими актами», принятая Советом Безопасности 28 апреля 2004 года.

В Резолюции 1540 (2004) Совет Безопасности, выразив обеспокоенность угрозой терроризма и опасностью того, что негосударственные субъекты могут приобретать, разрабатывать, осуществлять оборот или применять ядерное, химическое и биологическое оружие и средства его доставки, подтвердил необходимость бороться всеми средствами, в соответствии с Уставом ООН, с угрозами международному миру и безопасности, создаваемыми террористическими актами, и действуя на основании главы VII Устава ООН, в числе прочего, постановил, что «все государства в соответствии со своими национальными процедурами принимают и эффективно применяют соответствующие законы, запрещающие любому негосударственному субъекту производить, приобретать, обладать, разрабатывать, перевозить, передавать или применять ядерное, химическое или биологическое оружие и средства его доставки, в особенности в террористических целях, равно как и попытки участвовать в любых из вышеупомянутых действий, участвовать в них в качестве сообщника, оказывать им помощь или финансирование». Знаменательно, что данная резолюция не явилась ответом на угрозу, созданную конкретным террористическим актом. Ее положения налагают на государства — члены ООН обязательство воздержаться от оказания любой формы поддержки негосударственным акторам в приобретении и владении оружием массового поражения. Действуя в соответствии с обязательством, государства должны принять и провести в жизнь эффективные законы, чтобы его осуществить. Таким образом, как подчеркивает А. Бьянчи, резолюция создает правовую норму общего характера, то есть норму, направленную к неопределенным адресатам и способ-

ную к неоднократному применению в течение неопределенного времени [21]. Эта резолюция вызвала особенно острую дискуссию относительно того, насколько правомерна такая деятельность Совета, не выходит ли она за пределы его полномочий [25]?

К принятию «квазизаконодательных» актов Совет Безопасности подтолкнула необходимость эффективного и быстрого ответа на возрастающую угрозу терроризма — одного из самых опасных проявлений транснациональной преступности [26]. В ряде документов ООН, в частности в «Руководстве для законодательных органов по универсальному правовому режиму против терроризма», подготовленном Управлением Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности в 2008 году, говорится, что «резолюции Совета Безопасности, касающиеся терроризма, многие из которых были приняты на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций, наделяющей Совет Безопасности правом принимать резолюции, имеющие обязательную силу для всех государств — членов Организации Объединенных Наций» рассматриваются как одна из «ключевых составляющих глобального правового режима борьбы с терроризмом» [27].

Вместе с тем контртеррористический режим Совета Безопасности несет в себе весьма существенные риски, в частности, с точки зрения защиты прав человека [28]. По истечении почти десяти лет с момента принятия резолюции 1373 (2001), она и последовавшие за ней резолюции, содержавшие финансовые и иные санкции, подверглись резкой критике стороны Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом М. Шейнина. В докладе, представленном Генеральной Ассамблее, Специальный докладчик утверждает, что каким бы ни было обоснование принятия Советом Безопасности Резолюции 1373 в сентябре 2001 года, ее дальнейшее применение девять лет спустя нельзя рассматривать как надлежащую реакцию на конкретную угрозу международному миру и безопасности. Резолюция 1373, по мнению М. Шейнина, выходит за рамки полномочий, возложенных на Совет Безопасности, и не соответствует ряду международных стандартов в области прав человека. В частности, Специальный докладчик считает, что введение Советом Безопасности санкций в отношении лиц и организаций является превышением полномочий, возложенных на Совет Безопасности в соответствии с главой VII. Этот вывод мотивирован тем, что глава VII не может служить надлежащим правовым основанием для сохранения нынешнего механизма обязательных и бессрочных резолюций Совета Безопасности, имеющих квазизаконодательный или квазисудебный характер [29, paras. 69, 70].

М. Шейнин обращает внимание на то, что ст. 39 Устава регулирует определение Советом Безопасности существования любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии. Исходя из этого определения, Совет Безопасности уполномочен решать, какие меры мо-

гут быть приняты для поддержания или восстановления международного мира и безопасности, в том числе меры, не связанные с использованием вооруженных сил, в соответствии со ст. 41 Устава. Хотя Совету Безопасности предоставлена большая свобода действий в определении того, что составляет угрозу для мира, это определение всегда должно быть привязано к отдельной конкретной ситуации, а не к абстрактной проблеме или гипотетической будущей ситуации. Кроме того, меры, принятые Советом Безопасности на основании главы VII, должны приниматься исходя из каждого конкретного случая в соответствии с принципом пропорциональности. Совет Безопасности должен использовать свои исключительные полномочия сугубо в целях принятия мер, которые считаются необходимыми для разрешения той или иной конкретной ситуации, представляющей угрозу международному миру и безопасности. Совет Безопасности несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности в конкретных ситуациях, но он не наделен полномочиями для поощрения прогрессивного развития международного права и его кодификации [29, paras. 36, 37].

На заседании Комитета по социальным и гуманитарным вопросам и вопросам культуры (Третий комитет), состоявшемся 26 октября 2010 года, М. Шейнин заявил, что в 2010 году уже не существует какого-либо обоснования для таких полномочий. По его мнению, несмотря на принимаемые меры по предупреждению нарушений прав человека, характер *ultra vires* контртеррористической архитектуры Организации Объединенных Наций создает угрозу для прав человека и международного верховенства права [30, paras. 30, 33].

Позиция М. Шейнина вызвала резкое неприятие со стороны представителей ряда государств. В частности, представитель США заявил, что Соединенные Штаты не могут согласиться с данной Специальным докладчиком оценкой сферы полномочий ООН по главе VII Устава и авторитета Совета Безопасности в более общем смысле [30, paras. 38–40]. Представитель Российской Федерации сообщила, что ее страна категорически возражает против предпринятой Специальным докладчиком попытки превысить свой мандат и рассматривать правомерность действий Совета Безопасности в рамках своих функций, заявив, что выводы и рекомендации Специального докладчика «представляются поверхностными и лишенными объективности» [30, paras. 45, 46]. Представитель Соединенного Королевства также сделал заявление о том, что его страна не согласна с приведенной в докладе Специального докладчика оценкой, где говорится, что введением режимов санкций согласно его резолюциям 1267 (1999) и 1373 (2001) Совет Безопасности превысил возложенные на него полномочия в соответствии с главой VII Устава Организации Объединенных Наций [30, para. 48].

Последующее развитие событий, в частности, принятие Советом Безопасности 17 июня 2011 года резолюции 1989, содержащей ссылку

на главу VII Устава ООН и подтверждающей, что «терроризм во всех его формах и проявлениях представляет собой одну из самых серьезных угроз миру и безопасности и что любые акты терроризма являются не имеющими оправдания преступлениями, независимо от их мотивации, когда бы и кем бы они ни совершались», свидетельствует о том, что принятие основанных на главе VII Устава ООН антикриминальных резолюций стало одним из механизмов международного сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью [31].

Серьезным подтверждением этому служат «антипиратские» резолюции Совета Безопасности, которые, при существенной специфике принимаемых на их основании мер, задействуют тот же уникальный механизм принятия обязательного для всех государств — членов ООН решения — использование полномочий, представляемых главой VII Устава. Как известно, Совет Безопасности принял ряд беспрецедентных резолюций, направленных на борьбу с морским разбоем у побережья Сомали [32] в совершенно новом юридическом контексте. В частности, «обратное право преследования», установленное в резолюции 1816 (2008) и поддержанное в ряде последующих резолюций Совета Безопасности, предоставляет морским силам, сотрудничающим с Переходным федеральным правительством, право заходить в сомалийские территориальные воды для преследования и задержания лиц, подозреваемых в пиратстве. Впервые в мирное время во имя достижения общей цели были объединены военно-морские силы Европейского союза, Организации Североатлантического договора (НАТО), Объединенной целевой группы (ОЦГ 151) — коалиции под руководством Соединенных Штатов Америки; и ряд объединений военно-морских сил, действующих под национальным командованием, в частности Индии, Исламской Республики Иран, Йемена, Китая, Малайзии, Республики Корея, Российской Федерации, Саудовской Аравии и Японии [33]. В резолюциях неоднократно и настойчиво подчеркивается, что разрешение применяется лишь в отношении ситуации в Сомали и не затрагивает права, обязательства или обязанности государств-членов по международному праву и что резолюции не должны рассматриваться как устанавливающие нормы международного обычного права.

Вместе с тем резолюции касаются вопросов, которые выходят за пределы конкретной ситуации, например, общих вопросов криминализации. Так, резолюция 1976 (2011), принятая Советом Безопасности на заседании 11 апреля 2011 года, призывает все государства «предусмотреть в своем внутреннем законодательстве уголовную ответственность за пиратство, подчеркивая значение уголовной ответственности за подстрекательство к совершению актов пиратства, оказание содействия в их совершении, сговор об их совершении и попытки их совершить» (п. 13). Как видим, в данном случае транснациональное уголовное право опирается на фундамент главы VII Устава ООН. Насколько прочен этот фундамент и насколько правомерно его использование?

Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, не может быть однозначным. С одной стороны, приходится признать, что Совет Безопасности не может претендовать на роль «всемирного законодателя»: глава VII Устава ООН не является надлежащим правовым основанием для квази-законодательной деятельности. Положения относительно криминализации, при их безусловной значимости, носят скорее рекомендательный, нежели общеобязательный характер, они не создают нормы, которые могли бы выполнять функции уголовно-правового запрета.

С другой стороны, не вызывает сомнения, что стремительно возрастающие масштабы и опасность транснациональной преступности позволяют рассматривать ее как угрозу международному миру и безопасности, требующую нестандартных и оперативных мер реагирования. Такие меры могут и, в определенных случаях, должны приниматься Советом Безопасности на основании главы VII Устава ООН. Конвенционный механизм противодействия преступности незаменим, но он имеет множество пробелов, восполнение которых — длительный и не всегда результативный процесс. Принятие резолюций должно быть связано с конкретными ситуациями, представляющими угрозу международному миру и безопасности, и способствовать устранению или минимизации этой угрозы. Таким образом, резолюции Совета Безопасности играют значительную роль в формировании под эгидой Организации Объединенных Наций общего антикриминального политико-правового пространства.

Л и т е р а т у р а

1. Организованная преступность приобрела глобальный характер и превратилась в угрозу безопасности / Vienna International Centre UNIS/CP/618 — 3 июня 2010 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.unis.unvienna.org>.
2. UN Doc. A/RES/64/179; UN Doc. A/RES/65/232.
3. Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Шестидесят четвертая сессия. 21 июня 2010 года. Специальное заседание высокого уровня по проблемам борьбы с транснациональной организованной преступностью. — UN Doc. A/64/PV.99.
4. Substantive and Procedural Aspects of International Criminal Law: The Experience of International and National Courts, Commentary / ed. by G. K. McDonald, O. Swaak-Goldman. — Kluwer Law Intl, 1999; Safferling C. J. M. Towards an International Criminal Procedure / C. J. M. Safferling. — Oxford: Oxford University Press, 2003.
5. Boister N. «Transnational Criminal Law»? / N. Boister // European Journal of International Lawl. — 2003. — Vol. 14, N 5. — P. 956, 963.
6. Broomhall B. International justice and the International Criminal Court: between sovereignty and the rule of law / B. Broomhall. — Oxford: Oxford University Press, 2003. — P. 12–13; Зелинская Н. А. Транснациональное преступление и транснациональное право / Н. А. Зелинская // Актуальні проблеми політики : зб. наук. пр. — О., 2002. — Вип. 15. — С. 287–293; Зелинская Н. А. Международные преступления и международная преступность : монография / Н. А. Зелинская. — О. : Юрид. л-ра, 2006. — С. 16–17, 196–211; Зелінська Н. А. Транснаціональний злочин і транснаціональне кримінальне право / Н. А. Зелінська // Актуальні проблеми політики : зб.

- наук. пр. — О.: Феникс, 2007. — Вип. 30. — С. 177–186; Зелинская Н. А. Глобализация преступности и транснациональное уголовное право / *Н. А. Зелинская* // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 6-й междунар. науч.-практ. конф. 29–30 янв. 2009 г. — М.: Проспект, 2009. — С. 474–478.
7. Reza S. Transnational Criminal Law and Procedure: An Introduction / *S. Reza* // Journal of Legal Education. — 2006. — N 56. — P. 430; Luban D. International and Transnational Criminal Law / *D. Luban, J. R. O'Sullivan, D. P. Stewart*. — New York: Aspen Publishers, 2009; Currie R. J. International and transnational criminal law / *R. J. Currie*. — Toronto: Irwin Law, 2010; Guilfoyle D. Transnational Criminal Law as a Governance Strategy in the Global Labour Market: Criminalizing Globalization from Below / *D. Guilfoyle* // Refugee Survey Quarterly. — 2010. — Vol. 29, N 1. — P. 185–205; Joseph S. L. Research handbook on international human rights law / *S. L. Joseph*. — Edward Elgar Publishing, 2010. — P. 242–244.
 8. United Nations & Transnational Organized Crime / Ph. Williams, E. U. Savona (editors). — Frank Cass & Co, 1996; Godson R. Strengthening cooperation against transnational crime / *R. Godson, P. Williams* // Survival. — 1998. — Vol. 40, N 3. — P. 66–88; Combating Transnational Crime: Concepts, Activities and Responses / Ph. Williams, D. Vlassis (editors). — Frank Cass & Co., 2001; Transnational Organised Crime: Perspectives on Global Security / A. Edwards, P. Gill, A. Edwards (editors). — Routledge, 2003; Albanese J. Organized Crime in Our Times / *J. Albanese*. — LexisNexis/Anderson, 2004; Mueller G. O. W. Transnational crime: Definitions and Concepts / *G. O. W. Mueller* // Combating Transnational Crime / P. Williams, D. Vlassis (eds). — 2001; Albanese J. Transnational Crime: An Introduction / *J. Albanese* // International Journal of Comparative Criminology. — 2004. — Vol. 4, N 1. — P. 1–3; Williams P. Anticipating organized and transnational crime / *P. Williams, R. Godson* // Crime, Law and Social Change. — 2002. — Vol. 37, N 4. — P. 311–355; Ruggiero V. Transnational Crime: Official and Alternative Fears / *V. Ruggiero* // International Journal of the Sociology of Law. — Vol. 28, N 3. — P. 187–199.
 9. Зелинская Н. А. Политические преступления в системе международной преступности / *Н. А. Зелинская*. — О.: ФЕНИКС, 2003. — С. 113; Зелинская Н. А. Основные параметры и виды международных преступлений / *Н. А. Зелинская* // Актуальні проблеми держави та права: зб. наук. пр. — О., 2002. — Вип. 14. — С. 52–57.
 10. Bianchi A. Security Council's anti-terror resolutions and their implementation by Member States / *A. Bianchi* // Journal of International Criminal Justice. — 2006. — Vol. 4, N 5. — P. 1044–1073.
 11. Happold M. Security Council Resolution 1373 and the Constitution of the United Nations / *M. Happold* // September 11, 2001: a Turning Point in International and Domestic Law / ed. by P. Eden, T. O'Donnell. — 2005. — P. 617–645; Rosand E. Resolution 1373 and the CTC: the Security Council's Capacity-Building / *E. Rosand* // International Cooperation in Counter-Terrorism: the United Nations and Regional Organizations in the Fight against Terrorism / ed. by G. Nesi. — 2006. — P. 81–88; Heupel M. Adapting to Transnational Terrorism: the UN Security Council's Evolving Approach to Terrorism / *M. Heupel* // Security Dialogue. — 2007. — Vol. 38, N 4. — P. 477–499; Orakhelashvili A. The Acts of the Security Council: Meaning and Standards of Review / *A. Orakhelashvili* // Max Planck Yearbook of United Nations Law. — 2007. — Vol. 11. — P. 143–195; Johnstone I. Legislation and Adjudication in the UN Security Council: Bringing Down the Deliberative Deficit / *I. Johnstone* // American Journal of International Law. — 2008. — Vol. 102, N 2. — P. 275–308; Boulden J. The Security Council and Terrorism / *J. Boulden* // The United Nations Security Council and War: the Evolution of Thought and Practice since 1945 / ed. by V. Lowe. — 2008. — P. 608–623.
 12. UN Doc. S/RES/1127 (1997).
 13. UN Doc. S/RES/1173 (1998).

14. UN Doc. S/RES/1196 (1998).
15. UN Doc. S/RES/1267 (1999).
16. UN Doc. S/RES/1333 (2000).
17. UN Doc. S/RES/1363 (2001).
18. UN Doc. S/RES/1373 (2001).
19. Руководство по включению в законодательство и применению универсальных документов о борьбе с терроризмом / Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. — Нью-Йорк: ООН, 2007.
20. Elberling B. The ultra vires character of legislative action by the Security Council / *B. Elberling* // *International Organizations Law Review*. — 2005. — Vol. 2. — P. 337–360.
21. Bianchi A. Assessing the Effectiveness of the UN Security Council's Anti-terrorism Measures: the Quest for Legitimacy and Cohesion / *A. Bianchi* // *The European Journal of International Law*. — 2006. — Vol. 17, N 5. — P. 884.
22. Donnelly E. Raising Global Counter-terrorism Capacity: the Work of the Security Council's Counter-terrorism Committee / *E. Donnelly* // *September 11, 2001: a Turning Point in International and Domestic Law* / ed. by P. Eden, T. O'Donnell. — 2005. — P. 757–779.
23. Marschik A. The Security Council's Role: Problems and Prospects in the Fight against Terrorism / *A. Marschik* // *International Cooperation in Counter-Terrorism: the United Nations and Regional Organizations in the Fight against Terrorism* / ed. by G. Nesi. — 2006. — P. 69–80.
24. Martínez L. M. H. The legislative role of the Security Council in its fight against terrorism: legal, political and practical limits / *L. M. H. Martínez* // *International and Comparative Law Quarterly*. — 2008. — N 57. — P. 333–359.
25. Ham P. Global Non-Proliferation and Counter-Terrorism: the Role of Resolution 1540 and its Implications / *P. Ham, O. Bosch* // *Global Non-Proliferation and Counter-Terrorism: the Impact of UNSCR 1540* / ed. by O. Bosch, P. Ham. — 2007. — P. 3–23.
26. Rosand E. The Security Council as "Global Legislator": Ultra Vires or Ultra Innovative? / *E. Rosand* // *Fordham International Law Journal*. — 2005. — Vol. 28, N 3. — P. 542–590; Leurdijk D. A. Decision-making by the Security Council: terrorist acts which threaten international peace and security, 1989–2004: a survey of resolutions / *D. A. Leurdijk, G. Steeghs*. — 2005.
27. Руководство для законодательных органов по универсальному правовому режиму против терроризма / Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. — Нью-Йорк: ООНаций, 2008.
28. Hudson A. Not a Great Asset: the UN Security Council's Counter-Terrorism Regime: Violating Human Rights / *A. Hudson* // *Berkeley Journal of International Law*. — 2007. — Vol. 25, N 2. — P. 203–227.
29. United Nations. General Assembly. 6 August 2010. Promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism UN Doc. A/65/258.
30. United Nations. General Assembly. 8 December 2010. Third Committee. Summary record of the 30th meeting, 26 October 2010. UN Doc. A/C.3/65/SR.30.
31. UN Doc. S/RES/1988 (2011); S/RES/1989 (2011).
32. UN Doc. S/RES/1816 (2008); UN Doc. S/RES/1838 (2008); UN Doc. S/RES/1844 (2008); UN Doc. S/RES/1846 (2008); UN Doc. S/RES/1851 (2008); UN Doc. S/RES/1897 (2009); UN Doc. S/RES/1918 (2010); UN Doc. S/RES/1950 (2010), UN Doc. S/RES/1976 (2011).
33. Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. 25 января 2011. Доклад Специального советника Генерального секретаря по правовым вопросам, касающимся пиратства у берегов Сомали. — UN Doc. S/2011/30.

А н н о т а ц и я

Зелинская Н. А. Транснациональное уголовное право: новые возможности и риски. — Статья.

В статье рассматривается понятие и структура транснационального уголовного права, новые тенденции его развития. Важным элементом борьбы с транснациональной преступностью стали обоснованные применением главы VII Устава ООН антикриминальные резолюции Совета Безопасности ООН. С одной стороны, они существенно расширили возможности транснационального уголовного права, с другой — создали новые риски. Автор приходит к выводу, что такие резолюции играют значительную роль в формировании под эгидой Организации Объединенных Наций общего антикриминального политико-правового пространства. Однако они не могут носить квазизаконотворительный характер: их принятие должно быть связано с конкретными ситуациями, представляющими угрозу международному миру и безопасности.

Ключевые слова: глобализация, транснациональная преступность, транснациональное уголовное право, безопасность, борьба с преступностью.

А н н о т а ц і я

Зелінська Н. А. Транснаціональне кримінальне право: нові можливості та ризики. — Стаття.

У статті розглядається поняття та структура транснаціонального кримінального права, нові тенденції його розвитку. Важливим елементом боротьби з транснаціональною злочинністю стали обґрунтовані застосуванням глави VII Статуту ООН антикримінальні резолюції Ради Безпеки ООН. З одного боку, вони суттєво розширили можливості транснаціонального кримінального права, з іншого — створили нові ризики. Автор доходить висновку, що такі резолюції відіграють значну роль у формуванні під егідою Організації Об'єднаних Націй загального антикримінального політико-правового простору. Проте вони не можуть носити квазизаконотворчий характер: їх прийняття має бути пов'язане з конкретними ситуаціями, що являють загрозу міжнародному миру і безпеці.

Ключові слова: глобалізація, транснаціональна злочинність, транснаціональне кримінальне право, безпека, боротьба зі злочинністю.

S u m m a r y

Zelinskaya N. Transnational criminal law: new possibilities and risks. — Article.

The concept and structure of transnational criminal law, and its new development trends are discussed in the article. Important elements in the fight against transnational crime are the UN Security Council resolutions against crime under Chapter VII of the Charter of the UN. On one hand, they have greatly expanded the possibilities of transnational criminal law, while having created new risks on the other. The author concludes that such resolutions play a significant role in the formation of a common anticrime political and legal space under the auspices of the United Nations. However, they cannot be quasi-legislative by nature: their adoption should be linked to specific situations that threaten international peace and security.

Keywords: globalization, transnational crime, transnational criminal law, security, crime prevention.